

Новый курс: разговоры с самим собой

Дмитрий
Крымов

НОВЫЙ КУРС

Разговоры
с самим собой

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2=4П.2)6-6
К85

Крымов, Д.
К85 Новый курс: разговоры с самим собой /
Дмитрий Крымов; послесловие А.М. Смелянского. —
М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 248 с.
(«Театральная серия»)

ISBN 978-5-4448-2642-3

Новая книга Дмитрия Крымова — это дневниковые записи, которые режиссер вел многие годы и в которых фиксировал свои первые мысли о будущих спектаклях. В этом откровенном «разговоре с самим собой» автор пытается запечатлеть начальный импульс к созданию спектакля, то самое «движение воздуха», — возникающее из воображения, воспоминаний, забытых образов и детских фантазий, — которое спустя время складывается в текст пьесы, режиссерский экземпляр, спектакль.

В «Новый курс» вошли записи о многих постановках, сделанных Крымовым в разные годы, — от «Смерти Жирафа» и «Orus № 7» до «Сережи» и «Дон Жуана...», а отдельные части книги посвящены замыслам будущих спектаклей и «мыслям вообще», в которых автор формулирует свой метод и стиль.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2=4П.2)6-6

© Д. Крымов, 2025
© А. Смелянский, послесловие, 2025
© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

*Посвящаю моим родителям.
Если они нас видят, на что я
надеюсь, я машу им рукой.*

Оглавление

8	От автора
11	Смерть Жирафа
19	Орус № 7
22	Тарарабумбия. Шествие
37	Темные аллеи
41	Барышников
50	С песней по жизни
57	Сон в летнюю ночь
69	Три сестры
81	За грибами
87	«Евгений Онегин». Своими словами
95	Гоголь «Мертвые души». История подарка
101	Своими словами. Чехов «Остров Сахалин»
104	Хемингуэй «За рекой, в тени деревьев»
112	О-й. Поздняя любовь
118	Безприданница
126	Ромео и Джульетта
130	Муму
136	Анна Каренина
141	Наш городок
145	Борис

- 150 Двое
154 Дон Джованни
158 Чайка
165 Вишневый сад
170 Ольга, III акт
174 Питер Пэн
179 Реквием
182 Метаморфозы
- 185 Неделанные спектакли (пока)
186 Буря
194 Мария Стюарт
197 Русские сказки
200 Мертвые души
202 Гоцци
204 Сны
- 215 Идеи разных спектаклей (куски)
- 227 Мысли «вообще»
- 240 *Анатолий Смелянский.*
«Непредсказуемость и есть стиль...»

От автора

В какой-то момент я подумал, что мои спектакли оказались так разбросаны во времени и в пространстве, что картина стала похожа на цветной горох, рассыпанный на полу. Если разбросанность во времени еще кое-как понятна, то пространство в последнее время вышло из-под контроля и просто подкладывает какую-то шутку: если раньше это были хотя бы разные театры одного города и была надежда, что человек, посмотрев нашу «Безприданницу» в Школе драматического искусства, пойдет в МХТ на «Сережу» — пойдет и дойдет: это же в одном городе! — то кто сейчас сможет поехать в Нью-Йорк смотреть наш новый спектакль, даже если ему очень понравится мой спектакль в Клайпеде?

Со временем тоже все оказалось не так просто: некоторые мои любимые зрители последних спектаклей были еще очень маленькими, когда мы начинали нашу Лабораторию в Москве, и не могли видеть первых наших спектаклей, а только слышали о них, а иногда и не слышали.

Осознав эту картину, я немного испугался. Мной овладело такое чувство, как будто твой портрет сделан художником-кубистом, причем, делая его, он то ли был

занят какими-то другими работами, то ли современный стиль позволяет, — но некоторых кубиков не хватает.

Мне стало страшно жалко, что никто не узнает, как горел дом Прозоровых во «Фрагменте» в Клайпеде, или как тонула Офелия в «Реквиеме», или как моя бабушка гарцевала на лошади и улетала в шкаф в «Трех мушкетерах» в Праге.

Кроме того, а может быть, это даже главное: я как-то открыл свой дневник, куда я записываю разные вещи и в том числе первые (а потом и вторые и третьи) мысли по поводу спектаклей, которые собираюсь делать, открыл и подумал: а может быть, собрать именно эти первые мысли в один пучок (не поворачивается сказать «букет») и таким образом собрать этот рассыпавшийся горох? Достать закатившиеся горошины из-под кровати, дивана и рукомойника? Может быть, подумал я, эти первые мысли иногда даже более точно и остро отражают мои желания, которые чаще всего видоизменяются в процессе работы, и не всегда в лучшую сторону. Ведь спектакль — это довольно большая и долгая работа многих людей: иногда едешь открывать Индию, а обнаруживаешь себя в Америке, и это в лучшем случае. Но эти первые записи, как и первые толчки ребенка в животе матери, говорят о том, что жизнь есть и можно уже собирать команду, мечтать об Индии или думать о школе, куда пойдет твой ребенок.

В самом конце я осмелился поместить несколько мыслей, которые назвал «Мысли вообще». Во-первых, потому, что книжечка выходила очень уж тонкая, а во-вторых, показалось, что эти кусочки, записанные в разное время для себя, до некоторой степени могут оказаться полезными для понимания того, что перед этим.

Некоторые записи совсем короткие, а некоторые горошины так и не удалось найти, значит, так тому и быть,

имитировать свои старые мысли не нужно — как есть, так есть.

Некоторые записи относятся к спектаклям, которые я еще не начинал делать, и кто знает, как все сложится и сложится ли, но толчок есть, мечты об Индии появились, и поэтому они тут, составляя многоточие в конце этого списка.

Смерть Жирафа

Вообще, это не спектакль, а заминка на похоронах, заминка перед закапыванием тела. Неловкая пауза, затянувшаяся несколько дольше положенного.

Компания странная: у жены — бесконечные ноги и маленькие рожки, у сына — несуразная шея и торчащие уши, у первой жены, тихой провинциалочки из Таганрога, кажется, все нормально, но начинает говорить — и говорит только о котлетах, поет оперные арии и танцует танго.

Сын нежен и правдив, его мама безумна. Вторая жена не приспособлена к жизни и инфантильна до умопомрачения, друг — уродливый карлик с одной ногой и страдающими глазами. Вся эта компания — это мы. Но не прямые наши автопортреты, а гротесковые. «Теплый абсурд», как сказала Аня. Чебурашка хоронит крокодила Гену, хлопая ушами.

Жалкие, милые люди. Несчастные. Теплые. Нежные, заиклинные на себе и своих чувствах клоуны. Компания чудаков с этим смешным цветным жирафом, составленным из цветных брусочков, чашек, сахара, какой-то трубы, куска веника и воздушного шарика.

Сегодня была чудовищная репетиция. Я сказал, что они меня не слышат, и ушел. Они — это Аня и Миша. Черт.

По-моему, это начало конца. Или они глухие, или я с ума сошел.

Аня (!) не делает того, что я хочу и прошу. Что это? Миша спрашивает о «сквозном действии». Что это? Все боятся меня и недовольны, хотя жалеют. Я не знаю, как исправить положение. Юмора нет.

Разговор с Младенем, он в Америке.

Говорю: «Не получается...»

Он спрашивает: «А что ты хочешь?»

Я говорю: «Ну, как „Клоуны“ Феллини...»

Он говорит: «Ну, вот это и делай! Нужно делать сюрпризирование...»

Стало легче: хочешь это? Ну, так это и делай...

А ведь нужно просто: вышел смешной мальчик и захлебнулся на наших глазах воспоминаниями об отце. Сверхзадача — нахлынувшие воспоминания. Боится начинать, боится, что захлебнется. Предупредил даже, что захлебывается, и — захлебнулся. Предупредил и — захлебнулся.

Не справляется с нежностью, накрывающей его в этих воспоминаниях об отце. Нежность — в деталях, в подробностях, из которых они состоят. Память удерживает эти нежные листочки, они перепутываются и летают перед глазами, как листки бумаги, когда открыли вдруг окно и — сквозняк. Машешь руками, хватаешь то один листок, то другой, а они все выются и выются.

Не жирафенка играть и не мальчика, а человека, на которого воспоминания об отце действуют как «спазм слез выше кадыка», он знает об этом и не хочет, не уверен, что хочет открывать эту коробочку с воспоминаниями.

Он знает, что будет. Но его уговорили, и он открыл. И — сквозняк. И он начинает в них захлебываться. И говорит как бы: я же говорил, что так будет! Я же предупреждал! А сейчас я уже не могу ничего сделать! Это выше меня! Это сильнее! Оно несет меня, я им уже не управляю! От этого могут быть слезы на глазах, не только от самих воспоминаний, но и от того, что справиться не может, попал в волну, а выйти на берег нет сил. Это и счастье от волны, и страх, что несет тебя сила, которая больше тебя, и только крик матери может остановить это.

А она кричит от того, что для нее это не только сладкие воспоминания, а еще и боль. Боль об ушедшем муже, о любви, о том, что жизнь идет, а жизни нет. Этот монолог сына был ей сладок и мучителен, потому что все так, но и не только так. И это «не только» и есть ее жизнь. Она могла бы закричать не на котлеты, которые так трудно делать для своего больного ребенка в этом Таганроге, а на шрам на брови своего сына и рассказать про врачей, по которым она вынуждена была его водить, про заражение крови и нянечек, про врачей, вымогающих взятки, и про отца, который в это время делал стойку на руках на Эйфелевой башне...

Она могла бы рассказать почти про все случаи «счастья», которые лежат в коробочке воспоминаний под подушкой ее сына. О куртке, «огурцовой» куртке, которую они купили по дороге с юга, как, пока она ее покупала, у нее вытащили кошелек в магазине и они месяц после возвращения сидели на сухарях, занимая на работе по три рубля на мясо для котлет своему сыну и так далее... И когда его захлебывающийся монолог подошел к своей «музыкальной» коде, у нее не хватило сил — она закричала. Но тут же, как Раневская в исполнении Демидовой: что же я кричу!.. Там Аня спит... Сказала, как будто

и не она кричала только что. «Котлеты? Я расскажу вам о них...» Усмехнулась даже. «Вы просите песен? Их есть у меня». Улыбнулась и начала, как маленьким детям или будущим мамам в женской консультации, объяснять очень сложные вещи, через которые проходят все женщины. Ничего невероятного тут нет, собственно. Рассказывает, утешая и не давая им волноваться. Очень постепенно подходя к сложностям, которые подстерегают на пути, а их, к сожалению, много: хорошо быть мамой в Москве, труднее — в Таганроге, еще труднее, если ребенок ваш болен, а с продуктами плохо, и отец работает в цирке, и все время ты одна. И ты одна и одна, и это повеситься, как тоскливо, даже если ты любишь своего ребенка, своего мужа и весь советский цирк. И, начав нарочито нормально, она кончает произвольным вскидыванием рук, выкрикиваниями и призывами купить красный в горошек трактор минского завода, который изготавливал раньше балалайки, потому что только так можно выжить в этих экстремальных, если называть вещи своими именами, обстоятельствах. И только тогда ваш сын вырастет здоровым и нормальным ребенком — то есть никогда. А вам останется только собрать свои молитвы в кулачок, растолочь их молотком, перемешав с остатками луковой шелухи и скорлупы от яиц, добавить туда немного губной помады, следы которой вы нашли на пиджаке своего мужа, когда он приехал из парижской командировки, и запах женских духов, все тщательно перемешать и сделать себе ночной крем для лица «Лунное сияние».

Аня стала лучше — юмористичнее, легче.

Миша, кроме жирафьей шеи, получил уши. Начал хорошо. А потом от него ничего и не требуется, только искренность и — захлебываться воспоминаниями.

И случайно задел какую-то тему (например, «котлеты»), случайно — и маму прорвало. Его монолог был позитивный. Он и не думал задевать. Да и она стояла с улыбочкой отстраненной, горестной. Ничто не предвещало. Вдруг — закричала и стала рассказывать про эти чертовы котлеты. А там — бездна: и счастье, и мука, и мечты, и горе. И заговариваться стала. И — танец. «Котлетный» танец о непрожитой жизни. По-моему, интересно: из провинциальной, закрытой женщины вырвать крик, а потом перейти на суперспокойный, вежливый рассказ, переходящий в абракадабру. Это признак болезни, не выдержала внутреннего напряжения. Если без крика, то это просто монолог. А с криком — современное искусство. Никто никого не понимает. У каждого своя боль. Каждый — пружина, раскручивающаяся по своим собственным законам.

Надо начать с резкости. Пять судеб и палач.
Дрессировщик — из-за него и погиб Жираф.

Разговоры. Собственно, с чего все и началось.
Разговоры с артистами: «Ребята, хотите поговорить?» — «Да».
А о чем люди хотят поговорить больше всего? О себе.
Давайте!

При этом хочется сделать так, чтобы эти разговоры были жизнью, жизнью на сцене, именно произнесение слов было бы жизнью. И каждый раз — разной. Разные формы жизни. Говорить при этом очень просто, буднично. Нужно сделать особое наложение мазка. Чтобы был впечатляющим именно этот мазок. Эта интонация. Каждого человека. Все монологи — о себе. Прослеживается связь каждого с Жирафом — жена, любовь из другого города, сын и так далее. Это все, исходя из очень личных монологов самих актеров о себе.

Может быть, все стоят. Это не спектакль, а заминка, не рассиживание, а ожидание на улице у ритуального зала, мороз минус три, все зябнут. Стоят. Сесть негде. Стоят, все в черном, как на похоронах, с цветами в целлофане. Кто-то снял целлофан, но не знает, куда деть, мнет в руках. Противный хруст. Они не очень знают друг друга или совсем не знают. Жена не знает женщину из другого города, не знает, что она есть, а та знает о жене, но никогда не видела, только, может быть, случайно одну фотографию у него в бумажнике. Сын этой женщины первый раз в Москве, отца никогда не видел. Или видел последний раз в шесть лет. Хороший парень из Таганрога. Женщина, его мать, Первая Жена Жирафа, знает больше всех присутствующих, вся — сплошное переживание и нерв, но все закрыто, говорит все время про другое. Сыну всегда говорила, что отец умер, уехал в Африку, и только сейчас, перед приездом сказала ему, что его отец работал в цирке и бросил их десять лет назад. Комок нервов, но спрятанных так глубоко, что можно их принять за что-то иное.

Вторая Жена разговаривает только о нем. Может говорить только о нем.

Актриса, которая ее играет, долго входит в роль, пытается подойти к ней, объяснить, что это трудно, не получается, что она хотела бы сказать что-то от себя, но неуверенно себя чувствует, поэтому ей легче, если она прочтет, хотя это тоже трудно... И ныряет в роль, в Жену, во Вдову, западает туда. Молниеносное полное преобразование.

Последним выходит Дрессировщик. Он тоже в черном, только усы и из-под черного пальто блестят цирковые сапоги. С цветами. Начинает свой монолог, может быть извиняясь, что он играет в их жизни такую роль, закрываясь смешками и юмором, говорит о своем одиночестве. Хочет

сказать, что он такой же, как они. Начинает первый собирать рухнувший стол. И говорить по-армянски. Все его сначала сторонятся, но потом садятся за стол.

Может быть, иногда возникает проекция на стене — черная толпа с цветами ждет у дверей. Заснят вынос гроба, автобус, кладут. Они повернулись и смотрят. Автобус уезжает, они смотрят вслед и садятся за стол.

А может быть, и не надо этого.

Но как-то сделать так, что таких толп много. Может быть, несколько проекций возникает в разных местах? Несколько проекций разных толп. И тогда тут, среди наших, повисает пауза, пока те не уйдут.

А может быть, и этого не надо.

А надо пронести один раз в глубине большого жирафа. И сзади стенка, и там дверь, и толпа входит в эту дверь, пронося туда этого жирафа.

А может быть, пробегают разные животные — слон, носорог, жираф, рыба, пеликан. Те, кто умерли, — все.

А может быть, и этого не надо.

А может быть, их, этих экзотических птиц и зверей, и проносить сзади? И провожают, и несут их такие же черные люди, как наши? У кого-то фламинго, у кого-то рыба... И всех проносят в эту таинственную дверь...

А может быть, кто-то из нашей толпы опоздал и стоял тут, рад, что все еще здесь, и сказал свой монолог, открылся, а когда на стене показалась другая толпа, например с фламинго, понял, что ошибся, и, неловко извиняясь, перешел к своим и ушел с ними в ту нарисованную дверь.

Примечание

Спектакль «Смерть Жирафа» был поставлен в нашей Лаборатории в театре «Школа драматического искусства» в 2009 году. Он был продиктован желанием отдохнуть: до этого я ставил «Тарарабумбию», в которой участвовало 85 человек, и очень устал. Такое удовольствие приходит на репетицию, когда их всего семь!

Роли исполняли:

Аня Синякина — Первая Жена Жирафа

Маша Смольникова — Вторая Жена Жирафа

Миша Уманец — сын Жирафа от первого брака

Сереза Мелконян — коллега Жирафа по цирку, человек с одной ногой и с кислородным баллоном

Ира Денисова — женщина на кладбище

Аркадий Кириченко — музыкант похоронного оркестра

Наташа Горчакова — актриса нашей Лаборатории, у которой сначала была большая роль в этом спектакле, но потом роль обрезали, а она осталась.

Роли Дрессировщика в спектакле не было.

Художник спектакля — Вера Мартынова.

Младен Киселов — мой друг, режиссер, с которым так хорошо было поговорить и помолчать о театре. Он жил в то время в Америке.